

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА РУБЕЖА XIX – XX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЕЛИСАВЕТГРАДА)

Аннотация: Рассматриваются методологические способы изучения художественного образа города. Выявляются специфические черты провинциального культурного текста на примере Елисаветграда конца XIX – начала XX вв. в рамках междисциплинарного подхода, что позволяет обозначить все уровни, из которых складывается целостный образ города.

Ключевые слова: урбанистика, городской текст, город-сад.

Анотація: Розглядаються методологічні засоби вивчення художнього образу міста. Виявляються специфічні риси провінційного культурного тексту на прикладі Єлисаветграда періоду кінця XIX – початку XX ст. в рамках міждисциплінарного підходу, що дозволяє визначити всі рівні, з яких складається цілісний образ міста.

Ключові слова: урбаністика, міський текст, місто-сад.

Summary: The methodological ways of studying of the art image of the city are discussed. Specific features of the provincial cultural text, for example, Elizabethgrad period of the late XIX - early XX century are revealed. Within the interdisciplinary approach that allows to determine all the levels that make up the complete image of the city.

Key words: urban studies, urban text, garden-city.

Провинциальный культурный текст в последнее время становится предметом всё более пристального внимания исследователей. Изучение провинции ведётся на разных уровнях, выявление частного приводит к обнаружению типического, провинция предстаёт многомерной, имеющей особые приметы, которые подчёркивают её уникальность и избыточность, соотносят её со столичными явлениями, отмечают её проблемы, специфику её ценностных координат и смыслового содержания. Художественный образ и культурные универсалии, его составляющие, та формула, через которую прочитывается онтологическая сущность идеи любого города, в том числе и провинциального. В городском тексте Елиса-

ветграда (совр. Кировограда), расположенного в степной зоне, отобразились общие для городской среды в целом и специфические для данной территории принципы освоения пространства человеком. Сегодня, когда ведутся дискуссии о возвращении городу исторического имени, изучение елисаветградского культурного текста представляется особенно актуальным. В имени города содержится код его судьбы, а она в свою очередь отображена множеством знаковых явлений как в прошлом, так и в сегодняшнем дне: здесь отразились и «первичный миф», обстоятельства сотворения города, и цель, ради которой город был заложен, и его запрограммированное будущее. Методологическая база исследования культурного текста города, опирающаяся на философско-культурологические концепции, позволяет рассматривать город как разносторонний культурный организм, в котором отобразились мироощущение эпохи, социокультурные и историко-художественные реалии времени. Это и является целью данной статьи.

В урбанистике существует представление о городе как системе и о городе как тексте. Если в первом случае мы имеем дело с функциональными характеристиками разных сфер жизнедеятельности всей городской инфраструктуры, то в параметрах второй категории анализируется целостный образ города, в котором прочитываются культурные составляющие, иначе говоря, то, «что город говорит сам о себе» и то, как он воспринимается на разных этапах его истории. Понятие «образ города» функционирует в культуре как «сложное многогранное образование, обус-

ловленное как физическими свойствами самого города, так и представлениями, господствующими в данную эпоху, и установками конкретного индивида» [1, с. 431].

Среди направлений исследования городско-го культурного текста – системный, философско-антропологический, социокультурный и междисциплинарный подходы, в рамках которых городской текст рассматривается как многоуровневая система [см.: 5]. Конкретные аспекты требуют конкретных методов изучения, выстраивающих метаязык описания и выявляющих текстовые дефиниции (геокультурную специфику, функциональные ориентиры, мифопоэтику городского пространства, семиотику города). Характерные особенности разных этапов развития Елисаветграда в контексте общего и регионального обнаруживаются с помощью историко-сравнительного метода; искусствоведческий образно-стилистический анализ помогает выявить культурные константы, непосредственно работающие на создание художественного образа в конкретных архитектурных сооружениях и других изобразительных реалиях городского пространства: семиотический принцип раскрывает знаковую природу смыслового наполнения образа города. Внутри выбранных методик работают дополнительные исследовательские приёмы, а в основе формирования базовой концепции для осмысления всего комплекса городского культурного текста оказывается системный подход.

Всякий – или почти всякий – город насыщен культурными ассоциациями, они обогащают восприятие городского текста, всегда прочитывающегося в его неповторимых индивидуальных культурных смыслах. Опираясь на методику социокультурной реконструкции, можно попытаться выявить смысловые доминанты в елисаветградском контексте, обусловленные спецификой истории города, его длительным состоянием в военном ведомстве, что сформировало свои традиции и долгое время определяло весь городской уклад с его парадами и приездами на них императора, с разбивкой полевых лагерей в округе и городских окрестностях, с учебными стрель-

бами и маршами на плацу, расположенном близко к городскому центру. Размеренный и упорядоченный ритм ежегодных армейских сборов ограничивал развитие городской инфраструктуры. Здания в стиле ампир, выстроенные при А.М.Достоевском и несколько позже, к концу XIX века всё больше ассоциировались с ориентацией на Петербург и военным прошлым, уже ставшим в истории города экспонатным явлением. Тогда же, вероятно, родился метафорический образ Елисаветграда как «маленького Парижа» [4, с.8], в котором по одной из версий слышны отзвуки офицерских увеселений. Подобные представления о городе обуславливали формирование специфического сознания горожан и особые устремления городских властей к созданию ассоциативных аналогий как с российской, так и с французской столицами. Так как город был поставлен охранять, в нем неизбежно проявляется что-то рубежное – символический образ границы, града на краю, противостоящего опасному пространству дикой Степи. Таким Елисаветград был задуман и таким он простоял до смены статуса в 1861 г., когда перешёл в гражданское управление.

Выявление образно-стилистических характеристик позволяет отметить, что культурный текст многих провинциальных городов формировался в поступательном освоении стилевых, формообразующих и социокультурных тенденций времени. Исследуя городскую среду в рамках искусствоведческого анализа, мы опираемся на общие тенденции времени и более пристально всматриваемся в их восприятие конкретным городом. При этом нельзя забывать о комплексном рассмотрении всех факторов, влиявших на специфику культурного диалога, в пределах которого и обновлялся облик провинции. Градостроительство – особое искусство создавать пространство для жизнедеятельности человека, в каждую эпоху отдающее приоритеты тому или иному форматворческому процессу. На рубеже XIX-XX вв. в провинцию приходит стиль модерн, проявивший себя, может быть, в не столь отчётливых и чистых формах, как в столицах, однако оставивший немало примет, сохраняющих представление о своей эпохе.

Именно в этот период начал заметно преобращаться и видоизменяться Елисаветград. Этот процесс стремительного обновления осуществлялся в фокусе социокультурных программ эпохи, когда переустройство среды человеческого обитания происходило на повседневном, религиозно-философском и художественно-эстетическом уровнях. К рубежу веков важнейшим стимулом активного строительства становится разрешение на покупку и продажу городских земельных участков. За короткий период в городе возникло множество общественных зданий разных типов и жанров. Интенсивное развитие городской архитектуры в это время связано с именами двух представителей российской школы зодчества – А.Л.Лишневого, приехавшего в 1895 г. по окончании Санкт-Петербургской Академии художеств на должность городского архитектора, и Я.В.Паученко, вернувшегося в 1897 г. в родной город после обучения в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Представляя две российские архитектурные школы, эти зодчие не следовали слепо столичным тенденциям. Творчество обоих протекало в русле неоромантических исканий порубежья – они оказались замечательными стилизаторами, питавшими свою фантазию ретроспективными мотивами исторической архитектуры. Их эстетическое кредо эволюционировало в сторону соединения черт эклектики и модерна в одном архитектурном объекте, что вообще присуще зодчеству многих малороссийских городов. Пересечение в елисаветградском пространственном локусе представлений главных российских архитектурных школ о современном градостроительном искусстве в определённой степени сближает преобразовательные процессы, происходившие в провинции, с явлениями столичного культурного текста, и обнаружение доминирующих позиций такого культурного диалога с помощью сравнительно-типологического метода способствует формированию целостной картины, какой предстаёт сложный процесс становления художественного образа Елисаветграда в обозначенный период.

Петербург как прототип застройки и теперь

остаётся в поле зрения елисаветградских архитекторов. Но происходит переосмысление официальных образцов в соответствии с местными возможностями. Градостроительная политика Елисаветграда определяется в это время двумя направлениями: продолжением принципов регулярного планирования пространства с формированием чётко выраженной урбанизированной структуры и популярной в конце столетия концепцией «города-сада», более всего отвечавшей географическому положению Елисаветграда и вместившей в себя целый комплекс новых структурных компонентов – от создания зелёных зон и разведения фруктовых садов в центральных и окраинных районах города до формирования фабрично-заводского и дачного типов поселений [см.: 2]. Обе тенденции не противоречили друг другу, напротив, их взаимодействие, плавное перетекание одной в другую постепенно вело к преодолению «имперского мифа», в парадигме которого город создавался и просуществовал более века [см.: 3]; само это взаимодействие рождало новую систему координат. В какие-то два десятилетия город стремительно разрастается, обретая новый смысловой и географический центр, включаясь в иную темпорализацию исторического времени и новые жизненные ритмы, трансформируясь из схематичного гражданско-государственного объекта в живой организм с развитой инфраструктурой. Как объект, противостоящий внешним стихийным силам природы (что присуще городу вообще), он пытается привнести внутреннюю гармонию в отношения человека и природы, чему и способствует его стремительное превращение в город-сад, особенно актуальное в условиях жаркого сухого климата и продуваемой ветрами степи.

Работающий в рамках искусствоведческого анализа метод историко-культурной реконструкции позволяет отметить, что такое благоприятное стечение обстоятельств, как торгово-промышленное развитие Елисаветграда, обеспечившее активизацию строительства, а также приезд в уездный город сразу двух представителей крупнейших российских архитектурных школ, сыграло знаменательную роль в целостном формировании ново-

го городского облика. Само появление в этот период здесь талантливых мастеров с ярко выраженной индивидуальностью может восприниматься знаковым явлением эпохи, позволявшей реализовать программные авторские идеи и открывавшей провинциальному городу путь для «второго рождения» (правда, утрата статуса военного поселения не освободила Елисаветград от присутствия армии, периодически проводившихся полковых смотров, к тому же тут продолжало действовать кавалерийское юнкерское училище, находившееся под патронатом царской семьи). В городе своеобразно соединились существующий военный контекст и обновляющийся гражданский, что придавало ему неповторимые черты.

Исследование роли власти в параметрах культурно-социологического метода и выявление специфики управления провинциальным городом в новых условиях приоткрывает многие важные стороны в оживлении городской среды. Эквивалент значимости основных шагов местных властей в сторону облагораживания Елисаветграда измеряется не только активностью строительства вообще, но внедрением новейших технологий времени, обеспечивавших вступление города в эру прогресса. Благодаря деятельности киевских инженеров Л.И.Бродского и А.А.Абрагамсона, приглашённых городским земством, в 1897 году в Елисаветграде пущен электрический трамвай, маршрут которого пересекал город от вокзала (где со строительством завода сельскохозяйственных машин начала складываться промышленная зона) до горсада (в районе которого вскоре возник дачный посёлок) – крайних точек, обозначивших смысловые границы расширившегося городского пространства. Технические новинки, воспринятые градостроительной практикой конца века, добавили в общую картину преобразований функциональной пользы, позволили оживить улицы, придать им современный вид, а главное – изменить само течение городского времени с циклического и размеренного хода периода его военной истории на центростремительный бег новой эры. Программа переустройства города как архитектур-

ного объекта может рассматриваться в рамках семиотического метода, позволяющего взглянуть на город как на семантический текст с определёнными знаковыми обозначениями (по В.Н.Топорову): каждый уровень и квартал имеет свою отдельную семантику, свою функцию. В Елисаветграде рассматриваемого периода все основные смысловые центры городской структуры – магическо-юридический, религиозно-магический, экономический – располагаются в центральной части. Хотя тройное разделение пространства не было столь чётким, оно подспудно отображало сохраняющееся на архетипическом уровне деление общества на жрецов, воинов и обычных селян.

В зонировании и структурировании елисаветградского пространства среда обитания распределена по традиционно сложившейся схеме: центр и периферия. В центре находится наибольшее количество властно-административных структур, учреждений культуры, культовых сооружений, архитектурных ансамблей, имеющих историческую ценность, и т.д. Кроме того, центр – это территория, которую регулярно или периодически посещают все горожане. К периферии идет нарастание энтропии, выраженное однообразием и монотонностью типовой застройки, незначительным количеством культурных и административных учреждений. В рассматриваемый период здесь наметились значительные новшества, изменявшие смыслы городских территорий, постепенно произошла смена ритмической организации городской жизни, что символически отобразилось в появлении нового семантико-географического центра: теперь основная жизнь переместилась из радиуса военно-административных сооружений с плацем и кавалерийским училищем в район здания Городской думы и озеленённого бульвара перед ним. В конце века здесь возникают торговые павильоны в «восточном стиле», а сооружение в 1893 году петербургским инженером М.И.Алтуховым городской водонапорной башни позволило дополнить оформление центральной зоны города фонтаном со скульптурой, олицетворяющей Плодородие (своеобразный знак нового предна-

значения Елисаветграда в империи), который позднее вписался в общий ансамбль возникших рядом строений, удачно прочитываясь на фоне ресторана «Варьете-Модерн». Ритмические трансформации в пространственной жизни Елисаветграда образно можно представить как смену бравурных маршей на синкопические такты танцевальных номеров варьете, что, кстати, и просматривается наглядно именно в районе городского бульвара, когда-то заполненного звуками военного оркестра, который играл на сооружённой здесь эстраде, а в начале XX в. фланкированного варьете-рестораном. При этом центр города по сложившейся классической градостроительной традиции отмечен и сакральным символом – неподалеку от площади находился кафедральный собор, звон колоколов которого напоминал о незыблемости законов вечности. В новую эпоху в этой части города появилось и здание городского банка, ещё более оживившего главную улицу и площадь. Размещение всех структурных компонентов на одной оси – в географическом центре города – акцентировало возросшую значимость гражданского статуса Елисаветграда и обозначило приоритетные точки обновлённой городской среды.

Вторая линия градостроительных преобразований, проявившаяся с особенной очевидностью именно на рубеже XIX – XX вв., когда идея «города-сада» обозначилась в российском обществе развёрнутой программой нового стиля [см.: 2], воплотилась в Елисаветграде несколькими концептуальными подходами: повышенным вниманием к озеленению, созданием специфических типов поселений, ставших абсолютно новым словом в структуре города, наконец, интенсивной эстетизацией городского пространства в целом. Садово-парковый контекст едва ли не наиболее красноречиво отобразил общегородские изменения. К концу XIX века в Елисаветграде насчитывалось до двух десятков бульваров, парков, садов и скверов, что сформировало в городе особую зелёную зону. В этом процессе следует отметить роль городского головы А.Н.Пашутина, находившегося в должности с 1878 по 1905 гг. и сделавшего для благоустрой-

ства Елисаветграда очень многое (в частности, помимо озабоченности качеством застройки и внедрением технических новинок в инфраструктуру города он проявлял участие в создании «садового контекста», непосредственно занимаясь решением проблемы озеленения городских улиц, для чего, например, самолично выписал из Одессы пирамидальные тополя и парижские акации). Популярностью у горожан по-прежнему пользуется и Городской сад, бывший Казённый, основанный в конце XVIII в. по указу Екатерины II (первоначально он назывался Виноградным, т.к. его основной функцией было выращивание фруктов для императорского двора, затем Потёмкинским – в ознаменование пребывания в этих местах князя Г.Потёмкина-Таврического), в начале XIX ст. переустроенный для отдыха горожан по типу английского пейзажного парка. Здесь продолжал сохраняться романтический подход к созданию естественного парка, хотя на обозначенном этапе он дополнился техническими нововведениями – сюда было проведено электричество, пущен трамвай, установлен телефон. Стремление превратить Елисаветград в идеальный город программно воплощалось именно в «садовом концепте»: на протяжении нескольких лет интенсивно благоустраиваются сады (нередко фруктовые и шелковичные) и скверы, принадлежащие различным организациям (например, богадельный, больничный, гимназический, сад Земского реального училища, Ковалёвские бульвар и сад, расположенные недалеко от плаца), возникает множество частных садов, некоторые органично вписывались в неоромантическую ауру эпохи: в 1880-х годах купцом С.К.Остроуховым под явным увлечением восточными мотивами был разбит фруктовый сад «Альгамбра», позднее переданный владельцем городской общественности. Таким образом, садово-парковый компонент Елисаветграда вполне отвечал мировоззренческим устремлениям времени с его эстетизацией природы и сформировал особую среду южного города, дополненную в начале XX века строительством на окраинах частных дач, ставших приметой новой эпохи.

Особое значение в расширении городской

территории рубежного периода приобретает появление фабрично-заводского поселения в районе крупного завода. И хотя к этому времени в городе было уже немало промышленных предприятий, занимавшихся переработкой агропродукции, ремонтом сельхозмашин, производством стройматериалов, литьём чугуна, ведущие позиции довольно уверенно занял завод сельхозмашин, основанный английскими промышленниками братьями Р. и Т. Эльворти. Именно вокруг него начинает складываться территория, заселяемая заводскими рабочими, появляется собственная инфраструктура, характерная для «рабочих зон» (с библиотекой, больницей, театром, так называемым «цирком», о котором речь ниже), не успевшая однако в предреволюционное десятилетие развиться до конца. Тем не менее, само формирование нового градообразующего узла в структуре Елисаветграда показательно для рассматриваемого времени.

«Город-сад... как градостроительная версия концепции модерна о преобразовании жизни средствами искусства... пронизана свойственным модерну панэстетизмом» [2, с.307], и Елисаветград оказался невероятно отзывчив к эстетическим предложениям нового стиля. Искусствоведческий анализ создания нового художественного образа дополняет методика социокультурного анализа общественной жизни города, что даёт возможность обнаружить программную целостность происходивших на рубеже XIX – XX вв. перемен в жизни провинции. Елисаветградские литейщики и кузнецы создали настоящее металлическое кружево, окутавшее ажурным убранством городские улицы, превратившее их в художественно организованную среду. Декоративные элементы, становясь достоянием различных видов производства, тиражировались как художественные концепции, превращаясь в модные приёмы. Они входили в оформление пространства рекламной графикой, которая размещалась на афишах, в газетах, городских адресных книгах, оповещающая о деятельности торговых фирм, магази-

нов, фотоателье, прочих услугах различного характера. В это время в городе становится чрезвычайно распространённой мода на фотографию. Снимки, выставленные в окнах фотосалонов, которых в Елисаветграде было более полутора десятков, создавали специфический изобразительно-видовой ряд в пространстве новой архитектуры, немало способствуя распространению моды на одежду, аксессуары, даже поведение. Образ меняющегося города закреплялся в выпускаемых местными и столичными типографиями почтовых открытках с видами улиц и известных городских зданий, заключённых в стилизованные рамки с надписями «Привет из Елисаветграда», «Gruss aus Jelisawetgrad», «Пролётом через Елисаветград».

Руководствуясь междисциплинарным подходом и применяя в качестве отправной точки исследования системный метод, мы можем реконструировать городской культурный текст, воспринимаемый как сложная художественно-образная система. Таким образом, универсальная методика реализуется в многообразии своих вариантов и трансформаций, позволяя выявить все уровни, из которых складывается цельный образ города.

Литература:

1. Игнатъева И.А. Образный каркас исторического города // Семиотика пространства: сб. научн. трудов. – Екатеринбург, 1999. – 687 с.
2. Кириченко Евг. Усадебное начало в градостроительстве России 1830 – 1910-х годов // Искусствознание – 1/01. – с.281 – 309
3. Кириченко Ел. Репрезентация государственности и её отражение в историко-культурном пространстве Елисаветграда: середина XVIII – начало XX вв. // Образы и символы власти в русском искусстве: история и современность. Мат-лы междуна. научн. конф. 16 – 17 октября 2008 г. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – с. 74 – 83
4. Маленький Париж. Елисаветград в старой открытке / Авт.-сост. В.В.Петраков, В.П.Машковцев. – М., 2004. – 240 с.
5. Скульмовская Л.Г. Теоретические и методологические предпосылки исследования культурного пространства города // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность. Сб. науч. ст. вып. 3. – Ханты-Мансийск, 2006. – С.4-12